

Плач о старосте

Вопит старостиха:

Спаси Господи спрядных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку,
Уж вы старосту-судью да поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городской
От этих мировых да злых посредников.
Теперь все прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдет 1 мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает,
Вопотай у недоростков он выведывает,
Уже нет ли где корыстного делишечка?
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной!
Он затопае ногама во дубовой пол,
Он захлопав рукама о кленовой стул,
Он в похóдню по покоям запохаживае
Точно вехорь во чистом поле полётывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае!
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему пригравивае,
Сговорит ему посредник таково слово:
«Што на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Штобы все были сейчас же на ям согнаны!»

Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Все для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается
Он у этих соседей спорядовых,
Штобы справились на ям да суровёшенько:
Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду;
Сами сходите, крестьяна, признаете,
Со каким да он приехал со известьем:
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчётна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль Козловы сапоги да притопталися?
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинаят!
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он сглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко!»
Мужичёночки дробят да всё поглядывают:
Ужель морюшко синё да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,

За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да все о праведных,
Уже так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае!
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во блáдую головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином то своим не возвышайся-тко —
Едины́ да все у Бога люди созданы:
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержи да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злачёныи!
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, — приусядешься!
Окол ноци мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бесщётную».
Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенскии,
Што ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучии,
В чистом поле быдто змеи-то клевучии!
Как наедут ведь холодныи-голодныи,
Оны рады мужичёнка во котле варить,
Оны рады ведь живóго во землю́ вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава Богу-то теперь да слава Господу!
Буря-пáдара теперь да уходилася,

Сине морюшко теперь да приутихло —
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдёмте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельица;
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да все накланялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в Божью церковь посвященную,
О Бладычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлётную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково словó:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя, родима наша стóрона,
Наша славна сторона Новгородская!
Когда Новгород ведь был не разорёной
И ко суду были крестьяне не привéдены,
Были людюшки тогды да не штукавыи,
Не штукавы оны были — запростейшии;
Как судьи да в тую пору не молóдыи,
Пожиты́ да мужики были почётныи,
Настойсливы оны да правосудивы.
Были добры у их кони иноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.
Буде што да в прежни врéмена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеж дý-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по Божьему,
По этим ли законам праведливыим...
Тыи врёмечка прошли да не видаютьца,
Тыи годы скоротались, не слыхаютца!..
Наступили бусурманы превеликии,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут прíдались в подсиверну сторонушку
На званы острова эти Кижскиеи

Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинныи,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,
Будут земскии вси избы испражнятися,
Скрозекóзныи судьи да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятся вси часовенки спасеныи!»
Кругом-около робята обстолпилися,
Как на этих стариков да оглядилися,
Ихних ричей недоростки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметныи,
Оны этии слова тут принимали
Об досюльных законах постоянных,
Об досюльном житье новгородском.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася.
Тут вспомнят-то ведь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»
Тут мы думали с надежной головушкой:
«Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накопилася станичушка детиная!»
Говорила я надежной головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лоточке,
Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надёжа, золотой казны.
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золочёныи,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское;
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётыват, —
Мировой этот посредник так наезживал!

Деревенскийи робята испугалися,
По своим домам оны да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темнóм лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася:
Да куда ж мою надёжу одевают?
Я спросила у спорядовых суседушек...
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Штобы я, бедна горюша, не спугалася!
На спокой да легли добры эти людушки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Штоб проведать про надежную головушку!
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко,
Он схватил его с лугóвой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил Господних Божьи дёнечка,
На четыре он на летных эти ноченьки,
Отлучился што без спросу на неделюшку!
Тошно плакали сердешны мои детушки,
Не могла стерпеть победная головушка
Я глядеть да на детины горюци слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Што обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да рааыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася!..
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий-смерётушка стретала.

.....
.....
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю,
Не на Божью вы церковь-на строеньице,
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,

Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же Боже Господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платъице,
Как безумъице во буйну бы головушку!
Еще дай да Боже Господи
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши Господи молитвы мои грешные!
Прими Господи ты слезы детей малых!
.....

1 Наидет — вм (есто) наедет.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.